

14. The Special Mission at Lausanne to the Secretary of State. January 24. 1923 // FRUS. P. 957-958.
15. The Secretary of State to the Ambassador in Switzerland (Grew). April 19. 1923 // FRUS. P. 981-986.
16. Decision by the Department of State to Support the Turkish Petroleum Company's Concession in Iraq (Mesopotamia) Providing for American Participation and the Open Door // FRUS. P. 240-264.
17. Negotiations by Ottoman-American Development Company (Chester Project) and Other American Interests for Concessions in Turkey // FRUS. 1922. Washington, 1922. V. 2. P. 966-983.
18. Negotiation and Signing of a General Treaty and an Extradition Treaty between the United States and Turkey // FRUS. 1923. V. 2. P. 1040-1150.
19. Secretary of State to the Ambassador in Italy (Child). November 15. 1922 // FRUS. 1922. V. 2. P. 899.

Поступила в редакцию 15.05.2008 г.

Vendin A.V. Joseph Grew at Lausanne Conference of 1922–1923. The focus of the article is the delicacy of the US position at Lausanne Conference and the difficulties faced by Joseph Grew. Special attention is paid to Grew's actions, personal approaches and assessments during the forum. A close watch is kept on the development of his views and professional qualities at Lausanne Conference, which became the first major diplomatic experience of his career.

Key words: Lausanne Conference, US foreign policy, the American-Turkish relations, Joseph Grew.

РУССКИЕ И ПЕЧЕНЕГИ: ОТ КОНФЛИКТА К КОНФЕДЕРАЦИИ

М.В. Киселева

В статье рассмотрена проблема взаимоотношений русских княжеств и печенегов на протяжении IX–XII вв. Автором представлена динамика изменений внешнеполитических интересов каждой из сторон, выделены основные этапы этого взаимодействия и охарактеризованы достигнутые результаты.

Ключевые слова: печенеги, русские княжества, история Древней Руси, международные отношения, конфликт, конфедерация.

Давнее соседство кочевых народов с Русским государством стало причиной постоянного внимания отечественных исследователей к теме русско-печенежского взаимодействия. Первую оценку этим отношениям дал еще в XVIII в. В.Н. Татищев, представив их исключительно как вереницу грабительских набегов номадов на славянские поселения [1]. Новые критерии для изучения данного явления в 60-е гг. XIX в. были предложены С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским, выделивших его в отдельный этап «борьбы леса со степью» [2, 3].

В другом аспекте эта проблема была рассмотрена П.В. Голубовским, отметившим чередование периодов войны и мира на всем протяжении русско-печенежских контактов [4]. Чуть раньше вопрос о правовом статусе проживавших в Поросье кочевников был поставлен И. Самчевским [5]. И, наконец, в 90-е гг. XX в. А.Н. Сахаров обратил внима-

ние на взаимосвязь между балканскими походами Святослава и враждебным поведением степняков [6].

Как мы видим, в исторической литературе воспринимали печенегов лишь в качестве одного из внешних факторов развития Русского государства. Вместе с тем имеющийся в научном обороте письменный материал вполне позволяет поставить вопрос об эволюции русско-печенежских отношений X–XII вв. с точки зрения столкновения интересов двух весьма влиятельных в Восточной Европе политических объединений.

Наиболее полным источником сведений по истории взаимоотношений Руси с союзом печенежских племен являются, безусловно, русские летописи. Устойчивый свод известий о контактах этих номадов с киевскими князьями сложился уже в старейшем из известных памятников литературы Древней Руси – «Повести Временных Лет» (20-е гг.

XII в.). В нее вошло 15 сообщений, охватывающих период с 915 по 1015 гг. [7]. Значительно меньший интерес, судя по количеству данных [3], у русских книжников вызывали действия этих номадов в XII в. Не случайно посвященные им известия представлены, прежде всего, в южнорусских летописных сводах [8; 9].

Не меньшее внимание деятельности этих объединений уделялось и в зарубежных источниках. Так, влияние номадов на балканскую политику киевских князей в X в. не раз отмечалось в сочинениях византийских писателей (Константин Багрянородный, Лев Диакон, Иоанн Скилица) [10, 11]. К этому же времени относятся сведения арабских географов (ал-Масуди и Ибн-Хаукаль) [12, 13] о существовании русско-печенежского союза.

Значительно позже интерес к этому региону проявила католическая Европа. О попытках мирного урегулирования русско-печенежских отношений в период княжения Владимира упоминается в послании германского миссионера Бруно [14]. Условия же участия печенегов в походе польского короля Болеслава на Киев были описаны в хронике мерзбургского епископа Титмара [15].

Уточняя, таким образом, в ряде случаев летописный вариант развития событий, иностранные авторы показали русско-печенежские контакты как один из элементов общерегиональной системы отношений.

Итак, печенеги были южными соседями Руси в течение X – первой половины XI вв. Причерноморские степи стали для них уже третьим местом кочевания. В борьбе за эти земли они вытеснили мадьяр в Панонию [16], заставили уйти уличей в Поросье и разгромили тиверцев [17]. Превратившись к середине X в. в ведущую политическую силу в регионе, эти номады сумели отодвинуть на второй план такие сильные государства как Византия, Хазария и Русь.

Вместе с тем столь тесное общение с оседлыми народами не могло не отразиться и на самих печенегах. С изменением социально-экономической структуры их кочевого общества (социальная дифференциация, пересмотр условий землепользования и т. п.) [18–20] единый когда-то союз печенежских племен с 20-х гг. XI в. начинает распадаться на отдельные орды. Очевидно, не последнюю роль в этом процессе сыграло появление в

Восточной Европе новой волны тюркоязычных кочевников – половцев (40-е гг. XI в.) [21]. Не выдержав их давления, разрозненные группы печенегов отошли к границам соседних земледельческих держав (Византия, Русь, Венгрия) и вошли в их состав на правах военных вассалов. Потеряв, таким образом, свою политическую независимость, эти номады еще около столетия сохраняли свою этническую обособленность, пока к началу XIII в. не были полностью ассимилированы «принютившими» их народами.

Безусловно, особое место во внешнеполитической истории печенежского объединения занимали его контакты с Русским государством. Опираясь на традиционный подход их рассмотрения (по периодам правления киевских князей), попробуем установить динамику изменений этих отношений.

Первое появление печенегов у границ Руси датируется ПВЛ 915 г. Согласно лаконичному рассказу летописца, «сотворивше миръ со Игорем» они сразу же «приидоша к Дунаю» [7, с. 10]. Так же немногословен был автор свода при описании следующей встречи русских с кочевниками, относя ее к 920 г.: «Игоре воеваше на Печеньги» [7, с. 21]. Чередование военных конфликтов с периодами мира между этими народами в течение первой половины X в. подтверждает и византийский император Константин Багрянородный: «[Знай], что пачинакиты стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Россию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб» [10, с. 37].

Некоторая стабильность в русско-печенежских отношениях появилась, очевидно, с 30–40-х гг. X в. Сведения о совместных походах русских дружин и орд печенегов на Византию содержатся сразу в трех источниках: в ПВЛ (944 г.), в энциклопедии арабского путешественника ал-Масуди (930/932 г.) и в том же сочинении императора Константина. При этом положение номадов в рамках данного союза оцениваются средневековыми авторами по-разному. Согласно летописи, в войске Игоря они присутствовали в качестве наемников: «Игорь же совкупивъ вои многи Вараги, Русь и Полани, Свловъни и Кривичи и Тъверьць и Печеньги [наа] и тали оу нихъ пока поиде на Греки...» и «...Русь и наняли суть к собъ Печеньги...» [7, с. 23]. Ал-

Масуди, напротив, отводил степнякам роль ведущей силы в этой коалиции. Именно представитель печенегов, по его мнению, возглавил войско союзников в решающем сражении с ромеями: «Правитель [народа] баджнук сказал тюркам: «Назначьте меня завтра утром главнокомандующим». И они вручили ему верховную власть [над войском]» [12, с. 148]. Кроме того, имеется еще и третья точка зрения по этому вопросу, озвученная императором Константином: «[Знай], что пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей...» [10, с. 39]. Учитывая, что более близок ко времени этих событий был византийский автор, являвшийся собственно их современником, то, очевидно, его версию стоит считать более объективной.

Таким образом, отношения печенегов с Русью при княжении Игоря не были регулярны и возникали лишь при необходимости решения этими народами краткосрочных целей в их внешней политике.

Наметившаяся при князе Игоре возможность возникновения между печенегами и Русью военного союза была реализована его сыном Святославом. Одной из главных целей этого взаимодействия стала Хазария. «Шипом русеев и их силой» считал номадов мусульманский географ Ибн Хаукаль [13, с. 230]. И хотя в ПВЛ при описании восточного похода князя Святослава эти кочевники не упоминаются, обойтись без их помощи русская дружина, безусловно, не могла [7, с. 31].

Еще одним направлением деятельности русско-печенежского союза стали Балканы. Участие кочевников в первом походе на Болгарию Святослава отмечается в историческом обозрении Иоанна Скилицы [11, с. 122-123]. Но, как далее сообщает уже русский летописец, несмотря на достигнутые успехи, дружина князя был вынуждена срочно вернуться в Киев. Причиной этому стало, по мнению автора ПВЛ, нападение печенегов на Русь в 968 г. [7, с. 31-32]. Чем же было вызвано столь резкое изменение отношений между недавними союзниками?

Как мы знаем из летописей, киевский князь отправился на Дунай по просьбе Византии, которая хотела вернуть себе кон-

троль над болгарскими землями [7, с. 31]. Но, захватив эту территорию, Святослав решил превратить ее в центр своего государства. Эти планы, безусловно, серьезно ущемляли интересы печенежского объединения. Номады, с одной стороны, потеряли бы свое влияние в данном регионе, а с другой – оказались бы в окружении славянских народов, что, безусловно, создало бы угрозу для их суверенитета. Сами ли печенеги распознали эту опасность или им объяснила ее Византия – не известно. В любом случае действия Святослава были расценены кочевниками как предательство. Очевидно, исходя из этих соображений, печенеги из союзников Руси превратились в ее непримиримых врагов. Для самого же Святослава конфликт с номадами закончился трагически. Во время прохождения днепровских порогов он был убит степняками [7, с. 35].

Более сложно выявить характер русско-печенежских отношений в период недолгого правления в Киеве князя Ярополка. В нашем распоряжении имеется всего лишь одно летописное сообщение, касающееся событий первой междоусобицы между Святославичами. Записанное под 980 г. это известие содержит в себе упоминание о предложении Ярополку некоего Варяжки искать помощи у кочевников («...и рче же ему Варажко не ходи кнаже оубьютъ та побьегни в Печеньги и приведеши ми») [7, с. 37]. Не получив от князя согласия, Варяжко сам бежал в степь и не раз приводил потом отряды печенегов против Владимира. Исходя из этого рассказа, можно сделать вывод, что номады считали своими врагами не всех русских князей, а только тех, кто имел тесные связи с варягами. Были ли это последствия походов Святослава или у кочевников были на это какие-то другие причины, установить сейчас сложно. Тем не менее их враждебность к «северной ветви» Святославичей становится с этого времени определяющим фактором в их отношениях с Русью.

Наивысшей точки конфронтация между печенегами и Киевом достигла, по видимому, при правлении Владимира Святославича. Согласно данным ПВЛ, военные столкновения кочевников с Русью приобрели в этот период систематический характер. Так, известия о нападении печенегов на славянские поселения содержатся в статьях под

992, 996, 997 и 1015 гг. [7, с. 54-58]. Вполне естественно, что главной задачей киевского князя в этот период стало укрепление южных рубежей страны. Большое внимание Владимир уделял прежде всего строительству крепостей на границе со степью [8].

Благоприятные условия для перехода Руси к активной оборонительной политике сложились лишь в 20-х гг. XI в. Начало этому процессу должен был положить поход русских сил в Степь (1015 г.). Но уклонение печенегов от битвы, а потом и смерть князя Владимира не позволили реализовать в тот момент данную возможность [7, с. 58].

Изменились при княжении Владимира и причины русско-печенежских столкновений. Теперь они были связаны не с внешней политикой этих объединений, а с их внутренним развитием. Так, действия киевского князя по объединению славянских земель в единое государство привели к появлению новых, более стабильных источников дохода – изыманию податей с населения. Первоочередной задачей для княжеской власти стала охрана собственной территории. В связи с этим походы за военной добычей (когда союз с печенегами был необходим) практически сразу прекратились.

Вполне естественно, что с установлением мирных отношений между Русью и Византией возросло значение и речного торгового пути «из варяг в греки», проходившего транзитом через земли печенегов. В этих условиях опасность нападения кочевников на наиболее трудном участке трассы, днепровских порогах, стало не просто помехой, а серьезным препятствием для передвижения русских купцов по их территории.

Кроме того, меняются и цели внешнеполитической деятельности печенежского объединения, которое к тому же распадется в начале XI в. на отдельные орды. О самостоятельной политике группы этих номадов, пришедших «по оной сторонъ Суллы», сообщается в ПВЛ [7, с. 54-55]. Чуть позже, в 1018 г., разногласия между двумя племенами печенегов отмечает европейский хронист Титмар Мерзербургский [15, с. 64-101]. Все это свидетельствует о переживаемом данным кочевым образованием политическом и экономическом кризисе.

Вместе с тем, наряду с сообщениями о постоянной чередой пограничных конфликтов

между печенегами и русскими силами, нельзя не отметить и наличие сведений о попытках урегулирования обоими сторонами этих отношений. Так, около 1008 г. инициаторами заключения перемирия выступили печенеги. Как описывает эти события немецкий миссионер Бруно, в качестве гаранта договора князь Владимир послал в стан кочевников одного из своих сыновей [14, с. 313-317].

Итак, анализ источников показал, что при максимальном обострении конфронтации (в период княжения Владимира), имели место и мирные контакты между русскими и печенегами.

Следующий этап русско-печенежских отношений связан с именем Ярослава Владимировича. Являясь, как его отец, младшим в роду Рюриковичей, он так же пришел к власти с помощью варяжской дружины. Вполне естественно, что печенеги поддержали в этой усобице Святополка, который к тому же был, согласно сообщению летописей, сыном Ярополка [7, с. 37]. Вмешиваясь, по сути дела, во внутренние дела Руси, номады преследовали, по-видимому, вполне конкретные цели: получить лояльного к ним киевского князя. В этой связи интерес представляет интерпретация этих событий норвежской саговой традицией. Описывая, так же как и автор ПВЛ, перипетии этой борьбы, скандинав-наемник по-своему объясняет нежелательность победы в ней Ярополка: «Эймунд отвечает: «Не так жаль ему было оставить знамя, как жизнь, и думаю я, что он опасен, и был в Тюркланде зимой, и намерен еще идти войной на вас, и у него с собой войско, которое злые народы. И слышал ... собирается он поделить страну между этими злыми народами, если ему удастся отнять у вас Гардарики» [22].

Судить об интенсивности контактов печенегов и Киева в период правления Ярослава сложно. Имеется лишь одно сообщение, записанное под 1036 г. Согласно данным автора ПВЛ, это было последнее появление кочевников у границ Руси, закончившееся их полным разгромом [7, с. 66].

Уже в новом качестве группа печенегов, очевидно, входившая в состав торческих племен, упоминается более поздними южно-русскими сводами при описании событий, связанных с внутренней историей Руси XII в. Несколько сообщений касаются участия пе-

ченегов в междоусобных столкновениях как одного из племен черноклобукского союза [8, стб. 279, 339, 445; 9, с. 286, 517]. Другая же часть известий описывает их деятельность по охране южных рубежей Руси от следующей волны кочевников-половцев. Таким образом, в данном случае летописи отразили появление нового вида взаимодействия между русскими и кочевниками – конфедерации. При этом степняки, судя по всему, в течение какого-то времени сохраняли кочевой уклад жизни и прежнюю структуру управления (имели «собственных начальников»), признав в качестве верховной власти киевских князей [5, с. 84-106]. Кроме того, в политическом отношении вчерашние кочевники несколько не уступали славянскому населению Киева. Они имели право принимать участие в избрании князя. Войдя в состав Руси, печенеги к началу XIII в. полностью растворились среди местной народности.

Подводя итог всему вышесказанному, в русско-печенежских отношениях можно выделить три этапа. Первый период охватывает начало IX в. – 968 г. и связан с правлением Игоря и началом княжения Святослава. Присмотревшись друг к другу, русские и печенеги с 30–40 гг. X в. стали предпринимать совместные военные походы против Византии. Более регулярный характер эти отношения приобрели при Святославе, проводившем активную политику и в южном, и в восточном направлениях. Причиной возникновения между этими народами военного союза стали конкретные политические цели, к достижению которых они прилагали совместные усилия.

Начало второго этапа данного взаимодействия приходится на конец 70-х гг. X в. и выражается в нарастании военной конфронтации между Русью и Степью. Столь резкая перемена в их отношениях была спровоцирована действиями князя Святослава на Балканах, решившего перенести в болгарские земли центр своего государства. Продолжение этой тенденции при княжении Владимира было обусловлено спецификой внутреннего развития обоих образований. Централизация Руси наряду с «раздробленностью» печенежского союза племен привели к постоянным военным столкновениям между этими народами. Потерпев в конечном итоге оконча-

тельное поражение (1036 г.), кочевники перестали существовать как самостоятельное объединение.

И, наконец, последний, третий, этап русско-печенежских отношений приходится на XII в. Войдя в состав Руси в качестве военных вассалов, печенеги сохраняли при этом некоторую политическую и этническую обособленность от славянского населения южнорусских княжеств. Это выражалось и в отдельном их проживании от коренных жителей Руси, и в традиционном (кочевом) укладе жизни, и в структуре управления. В связи с этим, для характеристики данной формы отношений наиболее подходит понятие конфедерации.

1. *Татищев В.Н.* История Российская. М., 1962. Т. 1. С. 271-275.
2. *Соловьев С.В.* История России с древнейших времен. М., 1960. Т. 1. Кн. 1.
3. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1956. Т. 1. Ч. 1.
4. *Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. Киев, 1884.
5. *Самчевский И.* Торки, берендеи и черные клобуки // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым. Кн. 2, 1-я половина, отд. 3. М., 1855. С. 84-106.
6. *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1991.
7. *Повесть временных лет.* СПб., 1998. С. 21-23, 31-32, 35, 37, 54-58, 63.
8. *Полное собрание русских летописей.* М., 1997. Т. 2.
9. *Полное собрание русских летописей.* М., 1998. Т. 3.
10. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1989. С. 37-53, 155-171
11. *Лев Диакон.* История / пер. М.М. Копыленко. М., 1988. С. 115-118, 122-123.
12. *Коновалова И.Г.* Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2001. С. 147-149.
13. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Гонган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962. С. 230.
14. *Древняя Русь в свете зарубежных источников.* М., 1999. С. 313-317.
15. *Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия / сост. М.Б. Свердлова.* М.; Л., 1989–1990. С. 64-101.
16. *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997. С. 219-314.

17. *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62.
18. *Плетнева С.А.* Закономерности развития кочевых общностей в эпоху средневековья // ВИ. 1981. № 6.
19. *Марков Г.Е.* Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории // Восток. 1998. № 6. С. 111-118.
20. *Жумангабетов Т.С.* Право собственности на землю у средневековых кочевников // Восток. 2003. № 4. С. 113-117.
21. *Бибииков М.В.* Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 2001.
22. *Джаксон Т.Д.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1994. С. 112-113.

Поступила в редакцию 18.02.2008 г.

Kiseleva M.V. The Russians and the Pechenegs: from conflict to confederation. This article considers the problem of relationships between the Russian principalities and the Pechenegs from IX through to XII centuries. The author analyzes the dynamics of changes of foreign policy interests of both sides, underlines the main steps of its co-operation and describes the achievements.

Key words: the Pechenegs, Russian principalities, history of Ancient Russia, international relationship, conflict, confederation.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИИ РУССКОЙ КРЕПОСТНОЙ ДЕРЕВНИ КАНУНА ОСВОБОЖДЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА)

Л.М. Рянский, Р.Л. Рянский

На основе массовых источников авторы анализируют состояние крестьянского и помещичьего хозяйства Центрального Черноземья перед реформой 1861 г. и поднимают ряд источниковедческих вопросов. При этом для обработки основных показателей производственного потенциала был применен выборочный метод исследования.

Ключевые слова: крестьянство, математико-статистические методы, реформа 1861 г., дворянство, урожайность.

Давний интерес к истории русской крепостной деревни предреформенного периода особенно усилился в отечественной историографии середины XX в. в связи с интенсивной разработкой двуединой проблемы разложения и кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства и генезиса капитализма в России. Переплетение, достигшее, если так можно выразиться, стадии симбиоза, практически исключает раздельный историографический анализ этих двух значимых тем.

Научная концепция кризиса крепостничества получила свое оформление на всесоюзной дискуссии 1965 г.: «Кризис был таким этапом разложения феодализма, когда крепостнические производственные отношения стали оковами развития производительных сил, когда крепостнические формы хозяйства заходили в тупик, а прогресс общественного производства осуществлялся прежде всего на основе мелкотоварных и капиталистических отношений» [1]. В дальнейшем она была раз-

вита в фундаментальном исследовании И.Д. Ковальченко [2] и более чем на два десятилетия стала безраздельно господствующей в советской историографии.

Лишь в годы перестройки данная концепция была подвергнута тотальной ревизии в рецензии И.Я. Фроянова и Б.Н. Миронова на новый вузовский учебник по отечественной истории, хотя авторы не привели, да и не могли привести, развернутой аргументации своих тезисов. В рецензии было заявлено: «Нам представляется, однако, что новые явления в сельском хозяйстве – это прежде всего признаки развития крепостнической системы, которая в середине XIX в. еще далеко не исчерпала себя» [3]. В 90-х гг. рассматриваемая проблема перестала интересовать российских историков, и только изредка они выражали свое отношение к ней. Так, по мнению Б.Г. Литвака, «кризис – не стагнация, а такое состояние, которое фиксирует исчерпанность возможностей развития, про-